

Василий Игоревич, вы родились в Павлограде, на Украине, однако большинство представленных на выставке работ – средняя полоса России. Почему?

– Корни мои действительно на Украине, но все мы родились в великой стране – Советском Союзе, не деля ее на Молдавию, Белоруссию, другие республики. Это была одна Родина. Я получил в Москве полное академическое образование (Художественная средняя школа, Суриковский институт, Академия художеств), то есть я – москвич по воспитанию, образованию и образу жизни. При этом не порываю связь со своей географической родиной. У меня большие проекты, связанные с Украиной. В рамках дней Москвы была выставка в Киево-Печерской лавре, состоялась выставка в Севастополе. Хотелось бы, чтобы мое творчество было еще одной ниточкой, связывающей наши страны и народы. Думаю, что все лучшее у нас еще впереди – может быть, пока не политически, но духовно, поскольку мы – один народ. Вообще, посильный вклад в сохранение дружбы между Украиной и Россией считаю священным долгом каждого гражданина обеих республик. А вот как художник я воспитанник русской школы живописи.

– Не каждый человек осознает призвание с детства. Лев Толстой «гусарствовал» почти до вашего возраста и только в тридцать шесть начал всерьез заниматься литературным трудом. А когда вы начали рисовать, писать, когда стали понимать себя художником?

– Искусство – это заразная болезнь. Кто-то может заразиться ею, у кого-то – иммунитет. Прививают человеку, скажем, любовь к искусству, а ему все равно. Я вот был заражен совершенно неизлечимо именно с детства. В девять лет уже учился в профессиональной школе, в одиннадцать лет рисовал обнаженную модель... Вообще, что я делал в десять лет, то делаю и сейчас. А включает это каждодневную работу, едва закончив одну работу, начинаю новую, постановку все более сложных целей. Словом, непрерывный творческий процесс – как был поставлен на рельсы в детстве, так с них и не схожу.

– Это в ряду семейных традиций?

– Нет, художников в семье не было. Но всех нас отличали любовь к труду, красоте, потребности всегда заканчивать начатое. Последнее свойство очень важно для художника. Я знаю многих коллег, которые начинают работу, – и она долго остается незаконченной. Значит, тема не зацепила художника всерьез. Или он не дает себе труда подумать, почувствовать ее до конца.

– Почему вы выбрали именно Суриковский институт? Что дали вам учителя?

– На мой взгляд, это самый серьезный художественный вуз, туда всего труднее было поступить. И хоть сегодня, к сожалению, изменились времена, и Суриковский уже не тот, он все равно остается ведущим художественным учебным заведением страны.

Из всех своих преподавателей я выделяю двоих. Это, во-первых, профессор Суриковского института народный художник СССР Таир Теймурович Салахов, стиль преподавания которого позволяет раскрыться каждому будущему художнику во всей его индивидуальности. Поэтому в его мастерской были как талантливые авангардисты, так и сильные реалисты. Это особый дар – когда учитель не множит свои подобию, не копирует учеников, а пытается подтолкнуть человека в том направлении, в котором развивается личность. Удивительно мудрый человек! Он был на открытии моей выставки в «Новом манеже», мы поддерживаем с ним творческую связь, и мне очень важны его советы.

Другой человек, которого я считаю своим учителем, может быть, даже основным, хотя формально он никогда мне не преподавал: Николай Сергеевич Присекин – известный советский баталист, народный художник России. Этот замечательный мастер дал мне очень многое в части любви к искусству. «Когда занимаешься искусством, ты должен к себе забыть», – его слова. Он обладает талантом пробудить в человеке именно такой интерес к живописи.

Кроме того, мы, художники, учимся друг у друга, в своей среде. В числе своих учителей я бы назвал всех моих друзей, коллег, работы которых я смотрю, бываю на их выставках. Учусь у них постоянно, эта учеба не прекращается и сейчас.

И конечно же, классики. Посещаешь музеи – и тоже учишься. Особенно мно-

Василий НЕСТЕРЕНКО:

«НАРОДНЫЙ ХУДОЖНИК» – НЕ ЗВАНИЕ, А ДОЛГ

Народному художнику Российской Федерации, члену-корреспонденту Российской академии художеств Василию Игоревичу НЕСТЕРЕНКО еще нет 40 лет – он родился в 1967 г. в городе Павлограде. Окончил Московский государственный академический институт им. В.И. Сурикова, стажировался в художественном институте Пратт в Нью-Йорке. Работы художника представлены в крупных музейных собра-

ниях России и за рубежом. Нестеренко – автор ряда персональных выставок в Российской академии художеств, в Кремле, в музее храма Христа Спасителя, а также многочисленных выставок в Европе и США. Наш корреспондент встретился с художником в Государственном выставочном зале «Новый Манеж», где недавно проходила его персональная выставка, и задал ему ряд вопросов.

гое постигаешь, когда копируешь. Я копировал Ван Дейка, Сурбарана, Микеланджело – участвовал в повторе «Страшного суда», рисовал Давида с натуры. В храме Христа Спасителя воссоздавал росписи Семирадского – прекрасного художника XIX века, Бронникова, Сорокина. У меня был как бы творческий диалог с этими мастерами. Вот где учеба!

– Ранее ваше творчество, по крайней мере из того, что представлено на выставке в «Новом манеже», – пейзажи. А как вы вышли на христианскую тематику?

– Каждый приходит к духовной теме своим путем. В христианской церковной живописи существует два направления: иконописное и академическое. Я занимаюсь академической живописью, она близка мне. Но в советское время духовная живопись умерла с уходом из жизни Павла Корина, и традиция прервалась. Иконописная школа еще существовала, а вот духовная живопись – нет. Это отдельный, совершенно определенный жанр искусства, там есть свои законы. Восстановление храма Христа Спасителя обусловило воссоздание самого направления духовного искусства.

Помню, когда я еще учился в школе, у нас по рукам ходили репродукции росписи храма. А я поражался: какие композиции, сколько света в этих подернутых сепией черно-белых изображениях! Особенно запомнилось «Воскресение Христово». И вот прошло много лет (с точки зрения вечности – какое-то мгновение) – и именно эту работу я делал в храме Христа Спасителя! Огромная, высотой двадцать три метра роспись, а я

вспоминал: надо же, когда-то смотрел и восхищался именно этой работой неизвестного мне тогда Сорокина. Неизвестного, потому что тогда замалчивались имена церковных художников.

Первой крупной работой для церкви стал храм Христа Спасителя, потом – росписи собора в Дмитрове, храм Успения Божьей Матери в Домнине, родовом имении Романовых, – тоже была интересная работа. Кроме этого – цикл полотен духовной тематики, портреты духовенства. У меня есть триптих, посвященный духовным праздникам: «Рождество», «Пасха», «Троица».

Словом, помимо церковной росписи – духовная живопись, отличная даже от реализма. Но если художник, не понимая своей ответственности, просто использует в искусстве духовные предметы, это сродни кощунству. Думаю, лучше даже об этом не говорить.

– Проходя по залам вашей выставки, я отметил, что в жанровых композициях Парижа или Амстердама я узнаю Дерена или Марке, в русских пейзажах – где-то Нестерова или Левитана. В полотнах последних лет просматривается Кустодиев, а в духовной живописи – Карл Брюллов или Федор Бруни. Что же истинно ваше, как в вас все это переплавляется?

– Что-то из моих работ напоминает вам нестеровское или кустодиевское?.. Это не должно удивлять, я решал эти полотна по-своему. Бывает, например, сюжет, который близок Кустодиеву, – и хочется написать его так же. Но это писано моей рукой, и работу не спутать ни с чьей другой. Или возьмите Куинджи: есть у меня

пейзажи с таким же необычным состоянием света, но это увидено мной.

Вот вы спрашивали, у кого я учусь. Учусь у мастеров, постоянно учусь у природы, стремлюсь развивать свой глаз. Каждая тема требует своего художественного решения. Какие-то условия диктуют широкий мазок, в другом случае – узкий, в третьем – трепетный, напоминающий Нестерова. Что-то хочется решить свободно, в стиле импрессионистов. Вот у меня есть тема «Времена года». Там есть импрессионистические решения, хотя можно сказать, что в чем-то они и театральны.

Каждая работа неизбежно будет напоминать прержитое, все это прошло через меня. У меня неплохо получаются копии, но повторять кого-либо скучно. Я даже считаю это вредным – ведь жизнь, скажем, ушла далеко от XIX века. Например, Нестеров сейчас не очень уместен: вокруг другая жизнь, другие люди. Важно наследовать традиции, развивать их. И это мне близко.

– Вы в свои неполные сорок лет прошли большой творческий путь. Какие предпосылки создали ваш успех как художника?

– Любовь к искусству. Это не призвание, это жизнь. Вынь из меня искусство – и меня не будет. Это и есть основное объяснение тому, как я успел так много. На выставке вы видите лишь малую часть, в основном итог последнего времени. Здесь нет, например, росписей. Меня спрашивают, сколько времени я делал эту работу, сколько ту... И если арифметически складывать, получается, что прожил я не сорок лет, а двести сорок.

– Сегодня перевернулись многие устои, формирующие отношение публики к искусству. А как вы относитесь к творчеству ваших предшественников? Кого из них вы цените более других, ну, скажем, в последние пятнадцать – двадцать лет?

– За последние пятнадцать лет никого не было. Двадцать лет назад существовал еще кто-то из старых мастеров, но в годы перестройки все в стране умерло. Это был ужасный упадок. Хотя отдельные мастера и делали любопытные, интересные вещи. Но в советское время было множество великих художников: Дейнека, Пластов... Да многих можно называть! Последние пятнадцать лет – время пластиковых стаканчиков, киосков, вернисажей в Измайлово. Разве это искусство? Оно стало мельчать, но, к счастью, не измельчало. Сейчас начинается подниматься новое поколение.

– А как вы считаете, нужны ли сегодня творческие союзы, объединения?

– Существуют страны, где такие союзы есть, и другие – где их нет. Считаю, что в России такие союзы нужны. Они появились в стране давно. А еще раньше, два с половиной века назад, появилась Академия художеств, одна из старейших академий Европы, на сорок семь лет старше Британской. Было Товарищество передвижников, особенно много объединений существовало перед революцией – «Бубновый валет», например. Это свойственно России, связано с ее ментальностью. Я считаю, что входить в достойное объединение, быть академиком, почетно.

– Один мой товарищ, профессор, попросту объяснил, почему не хочет быть академиком: сегодня эти звания по большей части покупаются.

– Может быть, в науке? А вот художник – академик, но ничего не рисует. Сразу видно – звание купил! Все отличия должны быть заслужены. Ведь это здорово, когда тебя называют «народный художник России», и ты это звание заслужил по-настоящему. А если нет – стыдно: ну какой ты художник, если у тебя нет ни одной картины? Какой ты поэт, если последнее стихотворение написал лет двадцать назад? Публика это сразу видит.

Что касается творческих союзов, я перенес бы всю структуру, все правила их существования из советского времени, сняв только всякое идеологическое напряжение. Больше помогать художникам, думать об их нуждах, об устройстве выставок – вот что должен делать творческий союз.

– Когда-то Владимир Андреевич Фаворский говорил, что художник формируется к сорока годам. Вы уже подходите к этому возрасту. Как видите свое творчество в будущем? Что собираетесь делать?

– Мне кажется, я сформировался к тридцати годам. В тридцать три года расписывал храм Христа Спасителя, сделал большую выставку здесь (зал назывался тогда «Малый манеж»). Но художник должен постоянно развиваться, ведь чуть только остановишься – конец, нет тебя как художника. Хочется, чтобы Господь давал и дальше силы работать.

– У вас много произведений, связанных с морем, с историей Российского флота, есть большая работа, посвященная героической обороне Севастополя, портрет ветерана-североморца... Но вопрос мой таит неожиданный поворот: поделитесь своим пониманием патристического искусства.

– Давайте сначала о море. Мне нравится писать море в разных видах, разных местах, в исторических картинах, в пейзажах. Я люблю море и в Крыму, и на Русском севере. А история нашей Родины, в которой громадную роль играли армия и флот, неотделима от истории самих армии и флота. Причем флотом вписано множество героических страниц в память России.

Я считаю, что все искусство должно быть патристично, все! Так же, как духовным можно сделать пейзаж, даже маленький этюд. У нас в России свое искусство, своя земля, свои традиции. Было такое время, лет пятнадцать назад, когда только ленивый не пинал нашу Родину, не плевал в свою историю. Мы все прошли через это гнусное время. А нужна любовь. Что бы ты ни писал – море или степь, нужно, чтобы чувствовалась любовь.

У нас удивительная страна, удивительная история. Мне кажется, что если каждый будет делать что-то не только для себя, но и для общего блага, тогда нас не победить...

Беседу вел
Владимир ПОТРЕСОВ
Фото автора